

Если выразит лет скакуна!

Ненавижу свою оболочку!

Понимаю, что,

как не смотри,

Видно черную зимнюю почку,

А не слабую зелень внутри.

* * *

Начинается повесть:

"Итак,

Эта девочка в каменном городе

Проживала меж книг и бумаг,

А любила овраги да желуди..."

Впрочем, стоит ли в третьем лице

Ворошить сокровенные горести,

Тосковать о любимом отце,

Толковать об изломанной гордости?

Как хотите, а я не могу!

Это я, а не образ из ребуса,

На московском нечистом снегу

Ожидаю 2-го троллейбуса.

Это я. Это слезы – мои,

И моя виноватость недетская.

...А была: "из хорошей семьи",

Голубица университетская.

– Не ропщи, сумасбродная суть,

И не ври, что не знала заранее:

Бескорыстного поиска путь –

Это хлябь, а не чистописание.

* * *

Менялся нрав, ломался голос.

Не помню лета – помню стужу.

Какой-то стыд, какой-то тормоз

Мешал мне вырваться наружу.

Мой внешний мир

с одной читальней,

Троллейбусом и телефоном

Завидовал дороге дальней,

Лесам глухим, морям бездонным!

Не знала я, что суть не в этом,

Что дух,

невысказанный, пленный,

И был бескрайним белым светом,

Огромной маленькой вселенной.

изразяваща конския бяг!

Аз обвивката мразя изцяло!

Както и да се взираш,

ей на –

виждаш пъпката неразцъфтяла,

а не слабата зеленина.

* * *

И започва така повестта:

"В град бетонен

живяло момичето

между книги и бели листа,

а пък всъщност оврази обичало. . ."

Впрочем в трето лице ли сега

да прехвърлям сърдечните горести,

да си спомням баща си с тъга,

да оплаквам разбитата гордост в мен?

Не, не искайте само това!

Туй съм аз, а не образ от ребуса –

върху мръсния сняг на Москва

вече час аз очаквам тролейбуса.

Туй съм аз – с моя жребий суров

и с недетската мъка потискаща. . .

А пък бе "от семейство добро"

гълъбицата от "журналистика". . .

– Не развихрай сега самосъд

и не се оправдавай с незнание:

търсенето е гибелен път,

а не школко краснописание!

* * *

Гласът ми с нрава се ломеше.

Аз помня студ – не помня лято.

И срам ли, нещо ме държеше

затворена във мен самата.

Мой външен свят –

библиотеки,

тролейбуси и телефони –

примамваха те все пътеки

към неизвестни небосклони!

Не виждах смисъла потаен,

че в мен

душата ми пленена

е истинският свят безкраен –

огромна мъничка вселена.

* * *

Если вы меня не перебьете,
Я вам человека покажу.
Это ваш товарищ по работе
Или же сосед по этажу.

Совершенно неуместный некто.
Пустомеля, спица в колесе,
Пугало Рязанского проспекта
Или Хорошевского шоссе.

Птичьего ли рынка посетитель,
Шахматных ли споров краснобай, –
Он влюбленный, а не просто зритель,
Как его в сердцах ни называй.

Сам он и не думает про это,
Я же вам ручаюсь головой:
Без его линиялого берета
Вымрет город,
вымрет деловой...

* * *

Ты дура-замухрышка,
Поэзия моя!
Куда тебе до риска,
Куда до соловья?

Ты все поешь, как чирик,
От имени гурьбы
Прокуренных мальчишек,
Удравших по грибы,

Корзинок и лисичек
С комочками земли
И дачных электричек
Голицино – Фили.

Но вот уже и точка,
Чтоб не было вранья.
Ты маменькина дочка,
Поэзия моя.

...А где-то, где-то, где-то
Грохочут поезда,
И громом их нагрета
Огромная звезда!

* * *

Пора бы выбрать: или – или!
Мы не в старинном водевиле,
Где принц переодет козлом, -
А в мире подлинном и злом.

Он непогож и неудобен.
Не обойти его колдобин.

* * *

Ако разрешите да говоря,
днес човек ще ви покажа аз.
Той е вашият съсед отгоре
или заедно работи с вас.

Някой много неуместен –
шило и дрънкало, в колелото –
прът, на Рязанския проспект плашило
или пък на Киевския път.

На пазара птичи – посетител,
сладкодумец – в спорове блести, –
той е влюбен, а не просто зрител,
както и да го наричаш ти.

И ви казвам – аз съм го разбрала –
безразличен е към своя вид:
без баретата му избеляла
ще умре града ни
деловит...

* * *

Ти, глупава артистко,
поезийо във мен!
Далеч си ти от риска,
от славея вгльбен.

Все пееш като коса,
за тях ти е гласа –
онез момчета боси,
набрали пак в леса

припънки и лисички
сред борови игли,
и вилни електрички
Голицино – Фили.

Но стига – слагам точка.
Все трябва някой ден!
Ти, мамино отроче,
поезийо, си в мен.

А там, а там, далече,
там влакове гърмят
и от гърма им вече
е нажежен светът!

* * *

Избирай вече: или – или!
Не сме в старинни водевили
с маскиран принц – козел брадат,
а в истинския, злия свят.

А той – с дълбоки пукнатини,
през тях не може да се мине.

А ежели и обойдеш,
То это смерть, поскольку – ложь.

...Вот и торчу в дверях, босая.
Мне душу слабую кромсая,
Ревут осенние дожди:
– Не обходи!
Не обходи!

* * *

Глупая! В отрочестве отшельник
Мудрым казался.
Кожки кичливой колкий, как ельник,
Мир не касался.

...Ныне мечтаю смешаться с вами –
Мне меня мало! –
Но ни обаятьями, ни словами
Льда не сломала.

Ныне я вглядываюсь тревожно
В звезды и лица...
Необходимо и невозможно
В мир перелиться!

* * *

Беззащитность напоказ,
Боевитая ранимость, –
Презираю вашу мнимость
И хитро косящий глаз!

Тот уже бесспорно врет,
Кто,
    восторги примечая,
Своего сиротства гнет
Расписал за чашкой чая.

Не назойлив, не расхож
Истинной печали трепет.
Все-то щелочки залепит.
В этот мрак – не попадеш.

ЗВОНЯТ – ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ!

О неприкаянности срам!
Ходить в невероятной шляпке,
И шляться по чужим дворам,
И примерять чужие тапки...

Вам, безусловно, невдомек,
Что за нелепая фигура –
В руке цветок, в другой кулек –
Стоит на лестнице понуру?

А это – я. Я вас люблю!

И свърнеш ли встрани едва,
заблуда-смърт ще е това.

...Стърча аз боса до вратата
и сякаш късат ми душата –
вън есенният дъжд мълви:
– През тях върви!
През тях върви!

* * *

Глупост! В отшелника – в младините –
    мъдрост откривах.
Не ме докосна светът с бодлите –
    бях горделива.

Исках частица да съм от "ние" –
    "аз" ми е малко! –
но не успях леда да разбия
    с думи – и жалко!

Днес аз в лица и звезди се вирам
    все по-тревожно. . .
Но да се влея в света, разбирам,
    е невъзможно!

* * *

Беззащитност – да личи,
шлагерна почти ранимость, –
о, презирам вашта мнимост
и лукавите очи!

Ето, този лъже май,
щом
    възторг не подминава
и за чашка жалък чай
самотата си продава.

Ненатрапчиво горчива,
трепва истинска печал.
И пролуките закрива.
Този мрак не си познал.

ЗВЪНИ СЕ – ОТВОРЕТЕ ВРАТАТА!

О, на несретата срама!
Със странна шапка да трепериш
на чужди прагове сама
и чужди чехлички да мериш. . .

За всички май не съм наред –
ах, що за фигура – се питат, –
стои със цвете и пакет
на стълбите като пребита?

Обичам ви! Това съм аз!

Но чтобы не казаться лишней,
Лишь сообщу, что –
по рублю
На улице торгуют вишней.

Полчасика – на передых.
И снова в месиво окраин...

– Не понимаю молодых! –
Мне в спину заорет хозяин.

* * *

А. Д.

Одиночество в душном кафе.
Но,
    как в зеркале, я замечаю:
Одинокый старик в галифе
Заказал себе хлеба и чаю.

А когда погляжу за окно,
То увижу, как на амальгаме:
Солнцу холодно, солнце одно
И озябшими машет руками.

О, куда бы ни вел меня путь,
Мне повсюду маячит мое же...
Наше внешнее – это не суть.
Мы родные! Мы очень похожи.

От рождения нас в кожуру,
В чешую, в оперенье одели...
Я умею глядеть сквозь кору
И поэтому, жалуясь, вру:
Мне не так одиноко на деле!

За да не съм сред вас излишна,
ще ви прошепна
с ведър глас:
навън по рубла дават вишни.

Почивка кратка в утринта
и пак по чуждите етажи. . .

– О, не разбирам младежта! –
след мен стопанинът ще каже.

* * *

На А. Д.

Самота кафенето заля.
Но
    съзирам като в огледало:
старец самотен в брич избелял
хляб и чай си поръчва вяло.

През стъклото погледна ли аз,
виждам сякаш върху амалгама:
зъзне слънцето и като нас
в самотата си махва ни само.

О, където да съм по света,
вечно своето в други откривам.
Всичко външно не е същността!
Между нас има прилика жива.

От рождение с кожа, с пера
или с люспи е скрита душата. .
Но аз виждам през тази кора.
Затова и се лъжа самата:
не, далече съм от самотата!

ПОЭТ

Был и ты когда-то молод,
Зол и этим интересен.
Бескорыстие и голод.
Мало денег – много песен.

Звук был низок и неистов.
А потом

пошел
на убыль...

Что мне гипсовые губы
Облупившихся горнистов?!

* * *

Чистоты и гордыни поклажа
Тяжелей на крутом вираже...
Совершается купля-продажа
В молодой и несильной душе.

Брошу зимнему ворону корму –
Он кругами слетит с высоты.
Вспомню жалкую школьную форму
И святые, до дрожи, мечты.

Неужели и я помудрела,
Чтобы падать за коркой с небес?
. . . Выручайте,

любимое дело,
И укор существующих смело,
И холодный нехоженный лес!

* * *

Я из этого шумного дома,
Где весь день голоса не смолкают,
Где отчаянных глаз не смыкают
И смеются усталые люди,
И не могут друг друга понять,
Я на лыжах, на лыжах, на лыжах,
На растресканных, старых и рыжих,
Убегу по лыжне незнакомой,
По прозрачной, апрельской лыжне.

Дует ветер, как мальчик, грубый.
Крепко-крепко сжимаю губы,
Я быстрее еще могу!
По-разбойничьи свишут лыжи,
Мальчик-ветер лицо мне лижет,
А лицо мое – в талом снегу.

До чего же тут все по-другому,
Тут сама я честнее и проще,
Тут взрослее я и сложней.
Мне как фильтры – белые рощи!
...Я из этого шумного дома
Убегу по лыжне незнакомой,
По прозрачной апрельской лыжне.

ПОЕТ

Млад и ти тогава беше,
зъл – с това и интересен.
Глад, безкористност – летеше,
песен пееше след песен.

Нисък бе звукът, неистов.
После

някак
го прахоса. . .

Устните от гипс защо са
днес, олющен фанфаристе?!

* * *

Чистота и възвишеност –
нравът на завои най-много тежи. . .
А покупко-продажбите стават
само в младите слаби души.

Хляб ще хвърля на врана бездомна
и на кръгове тя ще слети.
Униформата ще си припомня,
своите святости до болка мечти.

Помъдрых ли, че падам умело
от небето за суха кора?
. . . Избавете ме,

ти, мое дело,
и ти, укор на мислещи смело,
и ти, девствена, хладна гора!

* * *

Аз от шумната къща проклета,
гдето ден и нощ все разговарят,
уморени очи не затварят
и се смеят настойчиви хора,
и не могат да се разберат,
аз със ските, със ските, със ските –
понапукани, стари, изтрити –
ще избягам по тайна пътека,
по прозрачна априлска следа.

Духа вятър – в лицето направо.
Стисвам устните още по-здраво –
о, ще мога и по-бързо аз!
Свирят остро пак ските ми рижи,
вятър ласкав лицето ми лиже,
а лицето ми – цялото в мраз.

Как тук всичко е друго! И ето –
аз сама съм по-честна и ясна,
и по-сложна съм в тая среда.
Мои филтри – горички прекрасни!
. . .Аз от шумната къща проклета
ще избягам по тайна пътека,
по прозрачна априлска следа.

* * *

Если ветка ноет,
Как распухшая десна,
Никакого в этом
Не ищите ребуса.

Просто скоро март,
Веснушки и весна.
Просто скоро первые
Листики прорежутся.

. . . Вот мне и осталось
Думать об одном,
Если все неправильно,
Если дом вверх дном,
Надо только, думаю,
Немного потерпеть.
Разойдутся из дому
Бедствия, как беженцы.

Ну а если очень
Плохо мне теперь,
Это просто скоро
Радости прорежутся.

* * *

Все кромешней, все безлюдней,
Все снежней была зима,
Либо цитрой, либо лютней
Нас лишавшая ума.

Вечером и поплудни
Изнывала от любви
Песня цитры, песня лютни –
Как ее ни назови.

Сердца воробей нехитрый
Был, как солнцем, отогрет.
Может, лютней, может, цитрой –
Разницы сегодня нет.

. . . А когда вернутся будни,
Нечего друг друга клясть.
Ни на цитре, ни на лютне
Больше не играет страсть.

Ну, довольно. Слезы вытру...
Твердолоба и горда,
Эту лютню, эту цитру
Не забуду никогда!

* * *

Клонка щом боли я,
сякаш че венец в уста,
не търсете вие тайна
в простите неща.

Просто идва март
и с лунички пролетта.
Просто ще пробият
скоро първите листа.

. . . Ето, аз все мисля
за едно сама,
ако всичко е неправилно
и наopak е дома,
трябва само, мисля си,
още мъничко тъга.
Ще си тръгнат сигурно
бежанците – бедствия.

Е – и ако много
ме боли сега,
просто ще пробие
радостта впоследствие.

* * *

Все по-страшна, по-безлюдна,
свежа зима заблестя –
или с цитра, или с лютня
грабваше ума ни тя.

Денем, нощем – всеминутно
отмаляваше в любов
тази цитра, тази лютня
там, под снежня покров.

О, сърце – врабченце скрито,
сгряно бе от слънце ти,
може с лютня, може с цитра –
няма разлика почти.

. . . Ако дойдат дните трудни,
клетви, останете в нас:
ни на цитри, ни на лютни
свири гаснещата страст.

Стига! И сълзата бистра
ще преглътна – да горчи!
Тази лютня, тази цитра
в мен до края ще звучи.

* * *

Настоящей жизни свет
Очень прост и даже скуден.
Вечно я рвалась из буден
В праздники, которых – нет,

И презрительно звала
Лишь
черновиком, разбегом
Эту жизнь под серым снегом,
Эти серые дела.

А теперь смотрю назад
И от зависти бледнею:
Боже!
Неприметный сад,
Где белье среди ветвей,
Молодостью был моей,
Лучшею порой моею...

Проморгала – о печаль! –
Проглядела, глядя вдаль.

ОДНОКЛАСНИКУ

...Было, было: и "любовь до гроба",
И косноязычие, и злоба
Праведная, и весна вокруг...
А теперь: сильней души – утроба,
И невыносимо пахнет сдоба,
Жизнью оказавшаяся вдруг.

Прикипели к своему корыту,
Нарукавникам и общепиту
И мертвы, не подавая виду.
Встретимся, – заголошу в тоске:
– Господи,
ведь нас по алфавиту
Вызывали первыми к доске!

* * *

Я не дам себя в обиду.
Грозная, большая с виду,
Я ему отвечу так:
– Ненавижу! Сам дурак.

А не то уеду в Питер,
Руки в брюки, красный свитер
Под запахнутым пальто,
Ветер с Мойки! А не то

Закачусь в библиотеку:
– Дайте книгу человеку!
Я в науку ухожу,
Мысли дочкой ужу.

* * *

Истинската светлина
на живота е оскъдна.
Аз към празника несбъднат
вечно бягах от деня

и презрително зовях
само
чернови игриви,
теб, живот, под преспи сиви
и делата в сива прах.

Щом назад отправя взор,
страшна завист ме обзема:
Боже!
Тих, невзрачен двор,
между клоните – белье. . .
Мойта младост е било
най-доброто мое време.

Изтървах го – о, беда! –
взряна в другата следа.

НА СЪУЧЕНИКА

. . .Помня, помня: и "любов до гроба",
и слова объркани, и злоба
праведна, и пролетния дъжд. . .
А сега: вместо душа – утроба
и дъха на хляба вездесьщ,
заменил живота изведнъж.

Сляхме се със своето корито,
с ръкавелите, с храната сита –
мъртви сме, но мислим, че е скрито.
Слушай – вия като псе пребито:
– Господи,
по азбучния ред първи ни
извикваха отпред!

* * *

Как така ще ме обиди!
Даже страшна ще ме види,
щом отвърна му все пак:
– Ненавиждам те! Глупак!

Или в Питер ще замина.
С ярко поло, с джинси сини
и с палто до колене.
Вятър остър! Ако не –

в първата библиотека:
– Дайте книга на човека!
Към науката вървя,
мисли с въдичка ловя.

Все мне надоело, в общем.
Стонем, жалуемся, ропщем.
В лужу на себя взгляну:
– Ну, давай смеяться! Ну?

* * *

Боже! Самодовольные рожи,
Как вы cedите жизнь из ковша,
Знать не зная, что боль – это дрожжи,
На которых восходит душа.

Даже ливень, хлеставший без краю,
Вы собрали в хозяйственный таз.
. . . Понимаете:

я умираю
От стыда, что похожа на вас!

* * *

Опять нарисую пейзажик.
Березу с фанерной скворешней.
...О, где ты, дорога прямая
От внутренней сути до внешней!

Закрыта, тискама заката,
Живу ощущением странным:
Я жду, что глубинные струи
Ударят открытым фонтаном.

Я знаю: они существуют
Невидимо, тайно, подспудно.
Сквозь робости
тощую почву
Пробиться к поверхности трудно.

ДЕРЕВО НА КРЫШЕ

Я – дерево, растущее на крыше.
Я слабосильнее, кривее, ниже
Обыкновенных, истинных. Они же
Мнят, будто я - надменнее и выше.

Они - в земле могучими корнями,
Как ржавыми морскими якорями.
А я дрожу на цыпочках над ними –
Желанными, родными, неродными...

И не в земле, и до небес далеко.
– Вы слышите, мне очень одиноко,
Заброшенному чудом в эту щелку! –

Лишь ветер треплет рыженькую челку.

Всичко ми омръзна вече —
плачем, стонем и пелтечим.
В локвата се гледам аз:
– Хайде, смей се! Но на глас!

* * *

Боже! Мутри доволни в тълпата
смучат този живот като квас,
неразбрали: скръбта е маята,
за да втаса душата у нас.

Даже този противен, неспирен
дъжд събирате в кухненски тас.
. . . Разберете:

от срам аз умирам,
че приличам по нещо на вас!

* * *

Брезичка със къща за птици –
скицирам пейзажчето леко. . . .
От вътрешна същност
до външна къде си ти, пряка пътеко?

И стисната в менгеме здраво,
живея с предчувствия странни:
все чакам дълбинните струи
да бликнат в открити фонтани.

Аз зная, че те съществуват –
невидимо, тайно и диво. . .
През бедната,
плахата почва
те сякаш най-трудно пробиват.

ДЪРВО НА ПОКРИВА

Дърво съм аз, на покрива родено.
По-слабо съм, по-ниско и по-криво
от истинските. Но немилостиво
ме смятат за високо и студено.

В земята те са с корени чепати
като ръждиви котви на галера,
а аз – на пръсти, цялото треперя
над тях – желани, близки, непознати.

Не съм в небето, нито на земята.
Но чуйте ме – тежи ми самотата,
захвърлено в пролуката по чудо!

И само вятър ме разрошва лудо.

Так заплутаться любя.

...Вот меня и осенило:
Чудо – не "высшая сила".
Мука,
        усердие,

        стыд.

Спротивление лепке.
Как из факировой кепки,
Голубь любви не взлетит!

ВСТРЕЧА

С таким лицом идут на подвиг
В зловещей тоге, –
С каким, на твой ступивши коврик,
Я просто вытирала ноги!

И думала, когда открыли
И вешали пальто в передней:
С таким лицом – влюбляли. Или
На грош последний

В аптеке покупали яду, –
О, наши бабки!
А я скажу: – Нет – и не надо.
Не любишь? Велика досада! –
И выбегу – пальто в охапке –
По лестнице, потом – по саду...

* * *

Я тебя люблю всего лишь,
Но не знаю ни на грош.
Что же ты меня неволишь
И за воротник ведешь?

Мой невероятный кореш!
Даже крепко полоня,
Не согнешь, не переборешь:
Мне
        не выжить
        без меня.

* * *

Опять говорю с ежевикой,
Опять не могу без осин
Дрожишь
и над малой травинкой,
Когда остаешься один.

Гляжу, чтоб забыть укоризну
Твою, где любви ни на грош,
Как скачет весь день по карнизу
Какой-нибудь птичий гаврош.

ама че избор нелеп!

Сякаш ме е осенило
чудото – не "висша сила" –
мъка е,
        срам,

        тегота

и съпротива потребна.
Няма от шапка вълшебна
да излети любовта!

СРЕЩА

С лице такова вършат подвиг
        в зловеща тога –
с каквото аз, почти на подбив,
краката си изтривам строго!

Отварят – всичко продължава –
палтото ми – на закачалка:
с лице такова покоряват
        или с грошове жалки

в аптеката отрова грабват –
        о, скъпи баби!
А аз ще кажа: – Не, не трябва!
Не ме обичаш? Ах, че страшно!
И ще изтичам – о, не слаба –
с палто по стълбището прашно. .

* * *

Просто те обичам, мили,
но не те познавам аз.
И защо ти все насила
ме държиш под своята власт?

Как ще ме превиеш, питам –
сториш ли го някой ден,
няма пак да съм превита:
ще съм мъртва
        аз
        без мен.

* * *

С къпина тук бърба самичка,
иглика примамва ме там –
трепериш
над всяка тревичка,
когато останал си сам.

Забравям което ми каза –
в теб няма любов и за грош –
тъй скача цял ден по перваза
и някакъв птичи гаврош.

До боли ладонями стисну
Колени. Но вдруг разогнусь
И так по-мальчишески свистну,
Что даже сама улыбнусь.

ПИСЬМО

От мыслей не спрячусь от этих.
То встану, то лягу ничком.
Я знаю: ты мне не ответишь
На это письмо ни о чем.

А я ведь его не писала,
А я по бумаге слова,
Как снег по земле – набросала,
Как дождь по земле – разлила.

Чтоб в сером почтовом конверте
Письмо из двенадцати строк
Дрожало и пело, как ветер,
Который до нитки промок,

Чтоб острой снежинкой лучилось
И вьюгой твой стол замело...
Какое оно получилось?
Каким ты получишь его?

ЗАМОРОЗКИ

Пойду гулять, по переулкам рыскать.
Мне даже лучше, что гулять одной.
Наступишь в лужу – разлетятся брызги
И вдруг застынут веткой ледяной.

Еще октябрь. Но руки так замерзли,
Что шум в ушах становится сильней.
Не шум, а шепот. Сказочных, заморских,
Высоких и узорчатых саней.

Оттуда спрыгнет богатырь в тулупе.
Он на меня снежинкамидохнет
И сам себя ладонями отлупит
Так, что метель над лужами вспорхнет.

Он спросит, почему я так сутулюсь,
А я неслышно улыбнусь взамен,
И мы поедем вдоль продрогших улиц
Полозьями – по осени – к зиме...

И на ветру захлопают афиши.
Внизу замрут московские дома.
А я – на санках. Я лечу все выше.
Туда, где снег, сугробы и зима.

Ще стискам до болка, неспирно
с ръце коленете си аз.
Но в миг по момчешки ще свирна
и ще се засмея на глас.

ПИСМО

Превръщат се мислите в драма –
ту легна, ту скоча в нощта.
Аз зная: ти отговор няма
да пратиш за нищо в света.

На листа, не както в писмата,
аз моите думи без страх
настлах като сняг по земята,
като дъждове ги разлях.

Писмото в дванадесет стиха
да може във сивия плик
да пей като вятъра тихо,
измокрен до кости за миг,

и като снежинка да свети,
като ураган да фучи. . .
Написах каквото усетих.
Какво ще е в твоите очи?

ЗАСТУДЯВАНЕ

Ще ида на разходка, ще поскитам.
Дори е по-добре сама. Напред!
Щом стъпя в локва, пръски в миг излитат
и се превръщат в клонче синкав лед.

Октомври още. . . Но замръзнах цяла
и нещо във ушите зазвъня.
Не звън, а шепот – в миг е долетяла неznайна,
дивна, приказна шейна.

Ще скочи богатыр в кожух от нея,
ще ме облъхне със снежинки той,
ще се отупа тъй, че ще повее
вихрушка от снежинките безброй.

Защо прегърбена съм ще попита,
ще се усмихна. . . После с лекота
над зъзнещите улици ще литнем
с шейна към зимата от есента.

И вятърът афиши ще подмята,
и ще замрат мостове, домове. . .
А аз летя високо над земята
към зимата с дълбоки снегове.

Удивляться, презирать, бояться ли?
Ходят люди с разными богатствами.
Их богатство – лоскутки, да ржавчина,
Да осколки, да лохмотья пыльные.
Вот какое странное богатство их!

Иногда я вижу их на улице –
Спины их сутулые-сутулые,
Руки их костлявые-костлявые,
Голоса унылые-унылые...
И всегда я вздрагиваю, кто они:
Жадные до самого убогого,
Любящие всеми нелюбимое,
Помнящие то, о чем забыла я?

ФИНСКИЙ ЗАЛИВ

Все забыла, все приемлю
В этот раскаленный день...
Как из ковшика, на землю
Солнце льет густую лень.

Господи, какое счастье!
Чайки, сосны, комары.
Мокрые рыбацьи снасти
Пахнут грустно до поры.

Но еще придет хозяин.
Будет море, будет риск!
Будет резок и отчаян
Маленькой моторки визг.

със почуда, страх или презрение?
Ходят хора с разни притежания,
а пък тяхното богатство ето го –
късчета, отломки и парцалчета.
Всичкото, което притежават те!

И ги срещам аз на всяка улица –
с рамене увиснали, прегърбени
и с ръце без сили – костеливи и
с гласове унили – преунили. . .
И изтръпвам винаги – кои са те:
пристрастените към най-мизерното,
любещи от всички нелюбимото,
помнещи, което съм забравила?

ФИНСКИ ЗАЛИВ

Всичко в жегата забравих,
всичко ще приема аз. . .
Слънцето с черпак направо
лее леност върху нас.

Боже, щастие безбрежно!
Чайки, борови гори. . .
Мокрите рибарски мрежи
чувствам с порите дори.

И ще дойде пак рибаря,
пак в морето – риск красив!
С писък лодката ни стара
залива ще огласи.

О деревня, по горло в снегу,
И собаки на каждом шагу,
И баранки к остывшему чаю!

О, селцето, потънало в сняг,
и на волните кучета лая,
и гевречета вкъщи за чая!

ПЕСНЯ ПРО КУЗНЕЧИКА

С асфалтовой жаркой дороги
В окраинный скверик свернем...
Под лавкой усагый кузнечик
Стрекочет о чем-то своем.

Но только не просто стрекочет,
Но только не просто поет,
Он, может быть, песенкой этой
Душе умереть не дает.

Поймала!

Но он застеснялся,
Усы опустил - и молчок.
...Кузнечик ты мой, человек,
Зеленый ты мой дурачок.

* * *

Я дождю отпускаю грехи! –
Нынче осень увидит спросонок,
Как растет из древесной трухи
Рыжевато-жемчужный опенок.

И сама я,
окно отворив,
Обнаружу сквозь утренний сумрак:
Этот бор, этот мир – некрасив
И прекрасен, как детский рисунок.

А раз так,
то – долой суету,
Прочь уныние, жалобы в шею!
...Я жива:
я старею, расту
И от горькой любви хорошею.

ДЕРЕВЯННАЯ ДУДКА

Деревянная дудка, свистулька,
Для кого-то безделка, и только.
А по мне, это певчая люлька,
Вдохновения ранняя долька.

Это – музыка в детской тельняшке
На плоту уплывала по речке
И пускала простые колечки
После первой запретной затяжки.

Звук неистовый – обморок детства.
Прежде смысла и азбуки прежде.
Полюбивши его с малолетства,
Не желаю расстаться, хоть режьте!

Утверждаю,
по книгам порыскав,
Что прекраснее наших изысков

ПЕСЕН ЗА ЩУРЕЦА

В градинка крайпътна ще свърнем,
далеч от асфалт нажежен. . .
Щурецьт под нашата пейка
си пее, от нас несмутен.

Дали просто тъй все си пее,
цвърчи, без да може да спре –
или с песента на душата
не дава покой – да умре.

О, хванах го!

Той притеснено
мълчи и мустачки върти.
. . . Щурченце, ти, мое детенце,
зелено глупаче си ти.

* * *

На дъжда опрощавам греха!
Есента днес ще види отвънка
как показва се, расне в мъха
рижо-перлена малка припънка.

И сама
на балкона ръждив
ще прозра аз в мъглицата синя:
този бор, този свят уродлив
е красив като детска картина.

Щом е тъй –
вече край, суета!
Край на хленч и на мрачни идеи!
Аз живея,
старея, раста,
от горчива любов хубавея!

ДЪРВЕНА СВИРКА

Свирка дървена – проста пищялка,
сред играчките все я нареждат.
А за мен тя е люлката малка,
във която певица отглеждат.

Песента й с фланелка моряшка странстваше
във коритото старо
и от първата мъжка цигара
правеше колелца по хлапашки.

Звук неистов – най-детското чудо,
преди букви и смисъл да зная!
От дете в него влюбена лудо,
ще го чувам у мен аз до края.

И ви казвам –
и книги съм чела,
по-прекрасна е в нашето дело

Дервянна първооснова
Дудкой произнесенного слова.

* * *

Вдохновение – это не навик.
Это – школьник, который влюблен.
Не умею писать без помарок!
Я горю. Я страшна, как огарок:
Я, гуляя, спугнула ворон
С тротуара, и веток, и лавок.

На рожке ли играя, на лире,
Почестней рассказать о себе б, –
И – картина получится шире...
Да, Вселенная – не ширпотреб:
Я единственна в мире.

Но в мире
Не бывает отдельных судеб.

А иначе: зачем я чернила
Извожу и пугаю ворон?
Я должна рассказать, как – любила!
Как себя не любила... Как было
Ярко, горько, крылато, бескрыло...
Это – я.
Это – ты,
Это – он.

* * *

Открывается даль за воротами
Неуютно, тревожно, светло...
Мы поэтами, мы обормотами
Были, были, – да время сошло.

Ты играл со звездой, как с ровесницей, –
Для того ль, чтобы нынче брести
Этой полупарадной лестницей,
Зажимая синицу в горсти?

Для того ль ты скитался бездомником,
Подставляя ненастью тетрадь, –
Чтобы впредь по чужим однотомикам
Равнодушно цитаты искать?

...А ведь живы и ветер, и заросли
Чистотела, и наши следы –
Как рассказ о несбывшемся замысле
Вдохновения, детства, беды.

неподкупната първооснова
на дочутото в свирката слово.

* * *

Вдъхновение, ти не си навик –
ти си влюбен до смърт ученик.
Още грешки в диктовките права!
Аз горя! И съм страшна направо:
как подплашвам аз враните в миг –
ни една покрай мен не остава.

И на рог ли, на лира ли свиря,
ще говоря за мен – не за теб,
но в картината ще те съзирам. . .
Тоя космос не е ширпотреб:
аз една съм в света,
но разбирам –
невъзможен светът е без теб.

А мастило защо съм хабила
и със врани съм влизала в бой?
Ще разкажа как любих, мой мили,
как се мразех горчиво, насила
и как беше крилато, безкрило. . .
Ще съм аз,
но и ти,
но и той.

* * *

Зад вратите – простори разкаляни,
неуютно, тревожно е вън. . .
Ний поети сме тъй недодялани!
Бяхме, бяхме – но вече е сън.

Със звездата-връстница играеше –
затова ли сега ти така
по парадните стълби мотаеш се
и синигера стискаш в ръка?

Затова ли се скита бездомно ти
все с тетрадка по белия свят –
занапред в чуждите еднотомици
да изравяш цитат след цитат?

. . . Жив е вятърът още и вдлъбнати
са останали нашите следи
като разказ за нещо несбъднато – влъхновение,
детство, беди.

* * *

Чужая душа не потемки,
А поздняя зимняя ночь,
Где жутко от свиста поземки,
От скрипа деревьев невмочь.

Я в милую темную душу
До боли
        гляжу и гляжу.
И в снег, в беспощадную стужу
Неверной походкой вхожу.

* * *

Я не трачу себя понапрасну.
Как фонарь на рассвете, я гасну,
Если свет мой не виден, не нужен,
Не заметен ни небу, ни дому...
Надоело,
Разбей меня,
Ну же!
Или выучи жить по-другому.

* * *

Я буду старой, буду белой,
Глухой, нелепой, неумелой,
Дающей лишние советы,
Ну, словом, брошка и штиблеты.

А все-таки я буду сильной!
Глухой к обидам и двужильной.
Не на трибуне тары-бары,
А на бумаге мемуары.

Да! Независимо от моды
Я воссоздам вот эти годы
Безжалостно, сердечно, сухо...
Я буду честная старуха.

* * *

Нима е душата ни бездна –
не, зимна вихрушка е тя,
небе непрогледно, беззвездно
и пукот дървесен в нощта.

До болка се взирам и взирам
в душата любима
  без глас. . .
Но в бурята снежна не спирам
и влизам несигурно аз.

* * *

Ненапразно хабя се ужасно.
Като лампа по изгрев аз гасна,
светлината ми щом в миг отслабва,
ни небе, нито дом щом не грее. . .
О, тогава
разбий ме,
тъй трябва!
Ако не – кажи как да живея.

* * *

Ще бъда стара-престаряла,
нелепа, глуха, побеляла,
излишно даваща съвети,
с две думи – брошка и фуркети.

Но все пак аз ще бъда силна!
За злото глуха и двужилна.
И не с трибунно трам-та-рара,
а върху листа – с мемоара.

Далеч от моды – тежко бреме,
ще пресъздам аз нашто време
безжалостно, сердечно, сухо. . .
Ще бъда за лъжата глуха.